КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

КРУГОВАЯ БЕСѢДА.

Кадниковъ городишко небольшой, а въ свое время жили тамъ весело. Въ то время, о которомъ я говорю, случилось тамъ молодыхъ и порядочныхъ людей, которые дружно вмѣстѣ сходились и потѣшались, человѣкъ шесть; всѣ они были стрѣльцы, охотники, любили просторъ, лѣсъ да чистое поле, не боялись подъ часъ и топкаго болота и удосуживались отъ занятій своихъ по цѣлымъ днямъ и даже по недѣлямъ, живали въ окружныхъ деревняхъ, забавлялись охотой.

Однажды, осенью, добрая шаечка эта собралась ѣхать верстъ за двадцать, гдѣ надѣялась порядкомъ поживиться, и отправилась съ вечера въ двухъ легонькихъ долгушахъ, забравъ съ собою лягавыхъ собакъ своихъ, ружья, запасъ пороху и дроби и непричудливую закуску, надѣясь

отчасти на крестьянское молоко, яйцы и курицы. Но, подъѣхавъ къ перевозу, гдѣ по ту сторону рѣчки вплоть по берегу стояли гостепріимныя, знакомыя избы и тянулась улочка вверхъ по горѣ, путники наши встрѣчены были неожиданною и непріятною вѣстію, что въ прошлую ночь бурей сорвало паромъ и согнало далеко внизъ по рѣкѣ, гдѣ его насилу перехватили. Теперь все было въ растройствѣ, и прежде утра не могло быть никакой переправы. Подумавъ немного, охотники наши рѣшились расположиться на берегу и ждать разсвѣта.

Поставивъ съ двухъ сторонъ долгуши свои, таборъ устроился по срединѣ между нами; разостлали ковры и войлоки, развели огонь, поставили походный таганъ и принялись стряпать ужинъ. Возникъ было споръ, варить ли кашицу, или крошить лапшу; но старый охотникъ, который не могъ уснуть порядкомъ не поѣвъ пельменей, помирилъ всѣхъ, объвивъ, что сырыя, готовыя пельмени припасены въ достаточномъ количествѣ, и что онъ самъ

берется положить ихъ счетомъ, по два десяточка на брата, въ кипяточекъ.

— Въ пельменяхъ, прибавилъ онъ: — душа какъ въ перинахъ лежитъ — сущая благодать!

Итакъ, усѣлись и улеглись вокругъ огня, кто съ трубкой, кто съ новомодной цигаркой, которая въ то время не такъ давно еще дошла до Кадниковъ и не успѣла вытѣснить собою окончательно благородный чубукъ, а кто и такъ, прищуривая на теплѣ глаза и открывая, отъ избытка роскоши, то одинъ бокъ, то другой. Кто–то вздумалъ потребовать круговаго разсказа, потому что еще было рано и спать никому не хотѣлось, и первый чередъ палъ, по общему приговору, на стараго охотника, который взялся готовить пельмени.

— Да что жь я вамъ буду разсказывать? спросилъ онъ: — этакъ, врасплохъ, когда еще и голова не набита пельменями, ничего не придумаешь. Вотъ развѣ, когда они попадутъ уже въ брюхо — это иное дѣло; а натощахъ ничего не вспомнишь.

«Ну», сказали прочіе, «разскажите что нибудь изъ похожденій вашихъ на охотѣ: ихъ, чай, у васъ было не мало — есть о чемъ поговорить!»

— На охотѣ, отвѣчалъ тотъ: — да на охотѣ ничего такого особеннаго со мною, сколько припомню, не случалось. Что жь, напримѣръ, если я вамъ скажу, что поймалъ разъ живаго дупеля, который, взлетѣвъ, попалъ головкой въ самый зонтикъ морковника, такъ что двѣ вѣтки захлеснулись вокругъ шеи, и бѣднякъ попался, какъ въ силокъ; если разскажу, что одинъ крестьянинъ при мнѣ положилъ на одинъ зарядъ цѣлый мѣшокъ савчиковъ, такъ что не сталъ и стрѣлять больше и насилу донесъ ихъ домой, а мы дали ему на мѣстѣ пять зарядовъ пороху, за то только, чтобы онъ, изъ любопытства, дозволилъ ихъ пересчитать, и насчитали сто–двадцать–три; если я скажу вамъ, что, убивъ дупеля въ летъ, вдругъ увидѣлъ, что передо мною въ зеленой травкѣ еще кто–то перевернулся вверхъ бѣлымъ брюшкомъ, и что я, стало быть, убилъ тѣмъ же зарядомъ

еще другаго долгоносаго, который сидѣлъ тутъ притаясь подъ кочкой, такъ что его никто и не видалъ; если когда разскажу, какъ мы однажды волка загнали въ колодезь, гдѣ онъ плавалъ часа три, покуда мы наконецъ не управились съ нимъ, накинувъ ему петлю изъ возжей на шею, а затѣмъ вытащили, связали, сострунили и привезли домой живьемъ; или какъ волкъ, затравленный, убитый и привѣшенный, покуда мы закусывали, за заднія ноги на дерево, очнулся, досталъ передними лапами до земли, вытянулся на нихъ сколько могъ впередъ и поймалъ зубами одного изъ завтракавшихъ за воротникъ: все это старо и васъ не утѣшитъ, а, между тѣмъ, по пословицѣ: «хоть ѣшь не ѣшь, а за обѣдъ почтутъ, хоть наслушались, хоть нѣтъ, а за разсказъ почтите». Я свое сдѣлалъ, начинай другой!

Всѣ разсмѣялись; но спорить было нельзя, и слѣдующій, хотя онъ, по внезапности перехода на него очереди, и не успѣлъ приготовиться, разсказалъ народное бѣлорусское преданіе о Иванѣ и Аннѣ.

Въ то время, когда поляки вынуждали всѣхъ жителей тѣхъ краевъ принимать унію и когда православнымъ житья не было отъ бернардиновъ, базиліановъ, доминикановъ и другихъ заклятыхъ враговъ своихъ, жилъ молодой, ловкій и умный крестьянинъ, православный, о которомъ только осталось въ памяти народной, что его звали Иваномъ. Во всѣхъ дѣлахъ противъ притѣснителей, поляковъ, дѣло безъ Ивана не обходилось: онъ говорилъ, увѣщевалъ своихъ, давалъ раду, т. е. совѣтъ, и сильно и смѣло нападалъ на поляковъ, которые боялись и ненавидѣли его, но никакъ не могли съ нимъ справиться. Вотъ они и стали пріискивать средства, какъ бы погубить его, коли не силою, такъ хитростію: они узнали, что у Ивана была невѣста, прекрасная дѣвушка, умная, красавица, но чванная щеголиха, которая любила казать себя людямъ, охорашиваясь передъ ними и завлекая молодцовъ себѣ въ поклонники, — словомъ, при всѣхъ достоинствахъ своихъ, была она немного легка и тщеславна; а, между тѣмъ, Иванъ

любилъ ее безъ ума. Зная сильный, необузданный и страстный нравъ его, можно было предугадать навѣрняка, что измѣна Анны должна бы была его погубить. И вотъ на какое дѣло пошли ксендзы: они отъискали и подпустили къ ней такого молодца, на котораго крѣпко надѣялись; снабжая его деньгами и щегольскою одеждой, они дали ему средство угождать Аннѣ, обманывать ее и увѣрить, что онъ богачъ, что у отца или дяди его въ Польшѣ есть богатыя майонтки — помѣстья; былъ ли, не былъ ли онъ шляхтичемъ, но назвался имъ, и тщеславная Анна охотно ему вѣрила, особенно, когда онъ постоянно сталъ за нею ухаживать и, не обращая вниманія на прочихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, явно и гласно предпочиталъ ее даже лучшимъ шляхтянкамъ.... У бѣдной Ганнуси вскружилась голова. Сперва она, правда, не могла и не хотѣла забыть своего щираго Иванька, дозволяла себѣ только жартовать — шутить, играть — съ богатымъ молодымъ шляхтичемъ; но когда онъ сказалъ ей прямо, что знать не хочетъ ни

одной шляхтянки, а любитъ ее одну и ее только хочетъ за себя взять, то у нея вскружилась голова.... Опомнясь и боясь Ивана, она уговорилась бѣжать съ новымъ поклонникомъ своимъ въ Польшу. Все было втихомолку слажено и подготовлено, ксендзы дали названному шляхтичу денегъ и бричку, и чета наша ночью пустилась въ путь.

Но несчастный Иванъ не дремалъ: онъ молча зналъ и видѣлъ все, что дѣлалось, не зная только, вѣрить ли глазамъ и ушамъ своимъ, доколѣ не убѣдился, по неволѣ, въ измѣнѣ своей Анны. Она и суженый ея оба такъ были заняты собою, что позабыли объ Иванѣ и думать; а онъ слѣдилъ и наблюдалъ за ними, между тѣмъ, какъ ксендзы, со спокойнымъ и злобнымъ духомъ, смотрѣли со стороны на все, что дѣлалось. Имъ было все равно, они не щадили никого, лишь бы погубить Ивана, который мѣшалъ и противился лукавымъ намѣреніямъ ихъ и удерживалъ народъ отъ перехода въ латинство. Иванъ подстерегъ чету, далъ имъ уѣхать, но догналъ ихъ на

самой грани литовской и закололъ изъ своихъ рукъ обоихъ. Сдѣлавъ это, онъ долго сидѣлъ надъ трупомъ Ганнуси и смотрѣлъ ей въ мертвыя очи. Сердце его отошло, онъ заплакалъ, вырылъ самъ яму подъ дубомъ, положилъ туда обоихъ и засыпалъ землей. Самъ онъ пропалъ безъ вѣсти.

Съ тѣхъ поръ, въ окружности этого мѣста, носятся тѣни убитыхъ, по ночному туману, а вдалекѣ за ними крадется тѣнь Ивана, съ ножемъ въ рукахъ. Въ лунную ночь, когда низменности покрыты мглою, можно видѣть ихъ, особенно поднявшись на курганъ, повыше тумана: напередъ медленно проносится по воздуху соперникъ Ивана и, покруживъ на мѣстѣ, будто осматривая, нѣтъ ли соглядатаевъ, начинаетъ манить рукой; тогда изъ ручья, протекающаго близъ дуба, всплываетъ на воздухъ прекрасная Анна, накрывая рукой кровавую рану противъ самаго сердца, и они вмѣстѣ несутся надъ туманомъ по воздуху, то рука въ руку, то обнявшись. Поселяне говорятъ, что когда Ганнуся

проносится по свѣтлому мѣсяцу, то онъ сквозитъ черезъ нее, какъ сквозь тонкое, дымчатое облачко. Затѣмъ является Иванъ и, также покруживъ по воздуху, быстро пускается на чету. Соперникъ его стремглавъ падаетъ въ могилу свою, Ганнуся тихо опускается въ ручей, а Иванъ, покруживъ одинъ, уходитъ изъ виду въ темную даль. Все это повторяется иногда много разъ втеченіе лунной ночи; но съ пѣтухами тѣни исчезаютъ и скрываются въ невѣдомыхъ тайникахъ и затишахъ своихъ, до слѣдующей ночи.

Третій товарищъ поправилъ головни у костра и вызвался разсказать другое народное преданіе, подъ–стать Ивану и Ганнусѣ.

Старухи бываютъ иногда упрямы. Одной изъ такихъ старухъ вздумалось итти съ мѣшкомъ зерна въ ближнюю деревню, на мельницу, и домашніе никакъ не могли ее удержать, хоть и говорили ей, что теперь уже поздно, на дворѣ непогода, ночи осеннія, темныя и она не дойдетъ за–свѣтло съ тяжелымъ мѣшкомъ до мельницы. Но

все это сама она лучше знала, а потому взвалила мѣшокъ на плечи и пошла.

Что напророчили ей люди, то и случилось: по дождю, по слякоти и впотьмахъ, съ мѣшкомъ своимъ за плечами, она выбилась изъ силъ на половинѣ дороги, сѣла, стала выть и злиться, а наконецъ проклинать себя и своихъ, которые ее отпустили, не пожалѣвъ старуху въ такую погоду, и помянула при этомъ еще разъ десятокъ чорта, который–де невѣсть зачѣмъ ее понесъ. Вдругъ, слышитъ она, ѣдетъ кто–то по дорогѣ, да еще и пѣсни поетъ: она обрадовалась, привстала и только собралась было просить проѣзжаго подвезти ее, какъ молодой парень, правившій троичной телѣгой, самъ остановился противъ нея и спросилъ:

— Что ты, бабушка? аль тужишь о чемъ?

— Да какже, родимый, не тужить — такъ и такъ, и вотъ какая бѣда надо мною встряслась!

— Садись, бабушка: я подвезу, да еще и прокачу лихо!

Старухѣ моей никой кладъ, взмостилась, взлѣзла на телѣгу и такъ рада, ровно вотъ дома на печку взобралась!...

«Вотъ — подумала она, усѣвшись — не безъ добрыхъ людей таки на свѣтѣ.»

Ямщикъ ѣдетъ и поетъ пѣсню: «Любилъ–де я дѣвку, и она меня любила пуще всего на свѣтѣ; да вишь, людямъ, завидно стало; на доброе дѣло нескоро подобьешь ихъ, а на худое — это нипочемъ, охочихъ много. Вотъ насъ и развели врознь; меня къ ней не пускаютъ, а ее ко мнѣ; а тамъ взяли, ее отдали за другаго, за какого–то старика вдовца, а меня женили, тожь по чужой волѣ, ни себѣ на радость, ни мнѣ въ угоду, а такъ, что воля дана старому обижать малаго. Прошло съ годъ, мы съ нею не видались: а какъ только увидѣлись да, перекинувъ слово–другое, про житье–бытье свое горькое узнали да другъ на друга взглянули, то и рѣшились ума; вотъ и положили мы: ей, чтобы убить постылаго мужа своего, а мнѣ — задушить свою докуку смертную, жену.

«Такъ и сталось, какъ положили. Да какъ сошлись мы съ нею послѣ, по уговору, да взглянули опять другъ на друга, то сердце такъ и повернулось, что въ ней, что во мнѣ: и смотрѣть не смогли мы одинъ на другаго, а заплакали, да и разошлись врознь, и разошлись навсегда. Пришла злая кручина, поглядѣла на насъ и принялась грызть, сперва ее, и извела ее въ конецъ, скоро; исчахла бабенка и померла. Тутъ пришла кручина злая на меня, подступила подъ ретивое сердце, управилась и со мной, заѣла и меня на смерть и пошла.»

— Что жь, бабушка, ты, чай, думаешь конецъ пѣсни? Нѣтъ, погоди: «вотъ какъ заѣла насъ обоихъ злая кручина, тогда только и узнали мы, какова за дѣла такія бываетъ расправа: она, бѣдная, пошла до вѣку таскать стариковъ по болоту, а мнѣ вотъ досталось возить старухъ по горамъ. Какъ только кто ночью помянетъ чорта, вотъ какъ ты, бабушка, такъ мы по должности своей и подхватимъ — она старика, а я старуху, да и возимъ ихъ до первой смѣны, покуда другой либо другая

проговорятся; вотъ я одну ссадилъ теперь, что года два возилъ, а тебя посадилъ. Какъ смѣна тебѣ придетъ, такъ и тебя ссажу — да знаешь ли куда? ужь не на вольный свѣтъ, а въ пекло, въ жупелъ, въ огонь. Эхъ, сивенькія! ударю! катай до смѣны!»

Ахнула бабушка и взвыла. Съ тѣхъ поръ, какъ только ночь настанетъ, такъ они вдвоемъ и ѣздятъ: онъ сидитъ да докучную пѣсню поетъ, все ту же да все про то же, а старуха съ мѣшкомъ своимъ сидитъ да голосомъ воетъ!

— Что вы, братцы, сказалъ четвертый товарищъ: — на ночь, да еще и въ чистомъ полѣ, такое нехорошее разсказываете, что нихотя позадь себя оглядываешься, а тамъ темно, какъ въ дубинѣ, особенно, когда отведешь глаза отъ огня! Лучше я вамъ разскажу, за что тетка прогнала меня изъ дому и лишила наслѣдства: это будетъ хоть глупо, да повеселѣе!

Тетка моя — царство ей небесное — была барыня дикая: съ нею, бывало, никому не сговорить, ни совладать, а что самодурью заладитъ, такъ хоть ей осиновымъ коломъ

въ ушахъ ковыряй, она тебѣ все будетъ говорить: соломенка!

Насъ было два брата, воспитывались мы въ корпусѣ, гащивали у тетки по праздникамъ, и какъ ни особой комнаты, ни кроватей для насъ въ домѣ не было, то на это время въ небольшомъ боковомъ покоѣ приставляли къ дивану четыре стула и стлали на этомъ помостѣ общую для двухъ братьевъ постель. Наконецъ я, какъ старшій, выпущенъ былъ годомъ прежде брата въ офицеры, и тетка позволила мнѣ довольно милостиво приходить къ ней во всякое время, и если отпустятъ, то, пожалуй, оставаться и ночевать. Я забылъ сказать, что тетушка моя была чистѣйшая дѣвственница, не терпѣла ни духу волокитства, и что я съ братомъ были ближайшіе наслѣдники ея.

Вотъ, братцы мои, и натянулъ я въ первый разъ мундиръ офицерскій, да вѣдь еще и съ эполетами.... бѣгу къ теткѣ, ногъ подъ собой не слышу. Она рада, обнимаетъ, приглашаетъ остаться: «сегодня вечеромъ у меня повеселись — да, или ты не

танцуешь — ну, хоть такъ погуляешь, посмотришь на людей; вотъ, познакомься: это внучатыя сестрицы твои, отъ дѣдушки Семена Иваныча; онѣ пріѣхали погостить ко мнѣ изъ Торжка.» Я расшаркался и подошелъ къ ручкѣ: правда, что двѣ премиленькія сестрички, хоть бы и не изъ Торжка пріѣхать, а откуда угодно.

Приходитъ вечеръ. Слѣпой музыкантъ сѣлъ за фортепьяно, гостей сошлось довольно, и пошла пляска. Я какъ человѣкъ вовсе не пляшущій, съ молодыхъ лѣтъ крѣпко скучаю на такихъ вечерахъ и хоть ты распинай меня, бывало, далѣе полуночи не выдержу — усну, какъ пить дамъ; а что же было въ то время, когда я привыкъ, по корпусному, ложиться спать въ девятомъ часу! Пляска въ самомъ разгарѣ, а я, назѣвавшись и намигавшись до безсилія, пошелъ промыслить темнаго уголка, гдѣ бы мнѣ прикурнуть. Заглядываю въ боковой покойчикъ — темно; иду на привычное мѣсто, къ дивану — такъ вотъ было и обмеръ отъ радости: постель моя уже постлана, все

готово, только осталось потрудиться да растянуться!

Не откладывая добраго дѣла, я тотчасъ же въ три пріема разоблачился и кувырнулся на перину. Тутъ я замѣтилъ, правда, что къ дивану приставлены были стулья и постлано для двоихъ, какъ всегда, бывало, дѣлалось для меня съ братомъ; «ну, что жь — подумалъ я — мнѣ отъ этого не хуже будетъ спать, все одно; видно, горничная теткина забылась и думала, что мы здѣсь оба, тогда какъ братъ мой остался въ корпусѣ.

Давно, и очень давно уже, покоился я истинно богатырскимъ сномъ, какъ вдругъ что–то сильно и тяжело на меня обрушилось, такъ что я проснулся въ страшномъ испугѣ, полагая, что на меня обвалился весь потолокъ. Я вскочилъ съ постели своей, ударился обо что–то лбомъ, наткнулся на кого–то руками — и въ то же мгновеніе въ ушахъ моихъ, и, притомъ, вплоть подлѣ нихъ, раздался пронзительный крикъ или визгъ, которому вторилъ еще другой голосокъ, какъ

отчаянная флейта; затѣмъ что–то глухо стукнуло и все опять замолкло, а вокругъ меня сдѣлалось пусто.

Нѣсколько секундъ сидѣлъ я въ самомъ странномъ недоумѣніи, не будучи въ состояніи ни понять, ни сообразить, что тутъ сталось, какъ вдругъ въ дверяхъ показался свѣтъ, и тетка, услышавшая отчаянный крикъ племянницы, самолично, со свѣчей въ рукахъ, явилась на помощь. Но только лишь свѣча слегка освѣтила комнату, какъ тотъ же крикъ и визгъ возобновился около меня, и кто–то сильно потянулъ съ меня одѣяло, вѣроятно, нуждаясь въ немъ для собственнаго своего употребленія. Теперь только опомнился я, разглядѣлъ и сообразилъ я, что бѣдныя внучатныя сестрицы мои, пріѣхавшія изъ Торжка, сидѣли въ страшномъ испугѣ, прижавшись на полу въ уголки, одна по лѣвую руку отъ меня, за рядкомъ приставленныхъ къ дивану стульевъ, и укрывалась подушкой; другая же, въ ногахъ, за диваномъ, и эта–то противница моя всѣми силами старалась стянуть съ

меня одѣяло, которое я успѣлъ, однако же, схватить за верхній край и, какъ сильнѣйшій, не выпускалъ изъ рукъ. Обѣ онѣ подняли отчаянный крикъ, чтобы тетка не вносила свѣчи. Тетка остановилась въ испугѣ и недоумѣніи въ дверяхъ и, по крайней мѣрѣ, двадцать разъ спросила: «что это? что такое дѣлается?» Наконецъ она поняла изъ отрывочныхъ словъ дѣвицъ и изъ моихъ невинныхъ объясненій, что тутъ сдѣлалось. Постель, на этотъ разъ, постлана была вовсе не для меня, а для сестрицъ; я же не замышлялъ худаго, завладѣлъ ею по праву обычая и спалъ очень спокойно, когда онѣ обѣ, по разъѣздѣ гостей, простились и пошли укладываться. Зная, что у окна въ комнатѣ этой не было ни ставни, ни занавѣсокъ — сестрицы уже три дня гостили у тетки — и увидавъ огонь въ окнѣ у проживавшихъ насупротивъ сосѣдей, барышни мои рѣшили, чтобы не брать съ собою въ спаленку свою свѣчи, и потому вошли и приготовились совсѣмъ ко сну впотьмахъ. Бесѣдуя между собою о бывшихъ танцахъ,

о кавалерахъ, о томъ и о семъ, онѣ беззаботно стали укладываться, и, такъ какъ, по устройству кровати–дивана въ углу, съ приставленными стульями неудобно было подняться на помостъ этотъ иначе, какъ въ ногахъ, то одна изъ дѣвицъ и опустилась оттуда съ размаху во всю длину свою на постель....

Хотя и съ трудомъ, однако, наконецъ дѣло это все объяснилось; но не такъ легко было окончить его и развести насъ по принадлежности, врознь, не говорю уже успокоить тетку: вы сами видите, что тутъ вышло нѣчто въ родѣ козы, волка и капусты, сошедшихся на перевозѣ. Комната была очень слабо освѣщена, потому что свѣча стояла въ сосѣдней комнатѣ; скромная тетушка, дѣвица лѣтъ шестидесяти, въ отчаянiи заламывала руки, сердилась, бранила меня, но дѣлу не помогала. Она вызывала то ихъ, то меня, но никому изъ насъ, въ томъ положенiи, въ какомъ мы находились, нельзя было тронуться съ мѣста. Тетушка проклинала меня и выходила изъ себя; но дѣло отъ

этого не спорилось. Горничная показалась было, услышавъ эту суматоху; но тетушка прогнала ее, а сама долго не знала, что начать. Послѣ долгихъ споровъ, перекоровъ и недоумѣній, заключено было наконецъ между нами перемиріе на такомъ основаніи, чтобы тетушка, зажмурясь, принесла бѣднымъ сосѣдкамъ моимъ по салопу, съ помощію котораго онѣ благополучно отступили въ другіе апартаменты; затѣмъ уже мнѣ приказано было одѣться; между тѣмъ, тетушка все время стояла за дверьми въ залѣ и напускалась на меня страшною грозой.... Изъ самаго простаго, пустаго и развѣ только что забавнаго случая она, въ порывѣ негодованія, сочинила міровое событіе.... никакія объясненія мои не могли вразумить и умилостивить: вообразите, что несчастная Діана эта встрѣтила меня, какъ негоднаго мальчишку, пощечиной, въ ту же минуту выпроводила на улицу, заперла за мной дверь и съ тѣхъ поръ не пускала къ себѣ въ домъ! Этого мало: она лишила меня наслѣдства и передала все небольшое

состоянiе почти чужимъ, но какимъ то родственникамъ по десятому колѣну!

Товарищи разсмѣялись и, принимаясь за поспѣвшiй ужинъ, не менѣе того потребовали пятаго разсказа. Этотъ пятый товарищъ не желалъ, однако же, сдѣлать какое либо упущенiе по части пельменей, и потому разсудилъ пожертвовать для разсказа своего не болѣе времени, какъ нужно было для нагрузки съѣдомаго изъ котелка въ деревянную чашку. «Конный полкъ былъ на ученьи — началъ онъ — а конный почтальонъ, на разбитой несчастной клячѣ, въ самое то время пустился въ три ноги черезъ площадь, когда скомандовали въ атаку: «маршъ–маршъ!» Бѣдный почтальонъ мой попался, какъ въ тенёта: несмотря ни на какое отчаянное старанiе, не можетъ уйти отъ несущагося прямо на него строя и видитъ неминучую участь свою быть смятымъ и раздавленнымъ! «Стой!» закричалъ онъ громовымъ голосомъ погибающаго и, продолжая колотить клячу свою пятками по ребрамъ, пустился по улицамъ и проулкамъ и благополучно

скрылся. Полкъ, разумѣется, осадилъ и остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный; солдаты слышали команду, которую ожидали, но не могли въ суматохѣ различить, откуда она послѣдовала. Долго розъискивали, кто осмѣлился произнести это громогласное, роковое стой, и наконецъ оказалось, что это былъ отчаянный крикъ погибающаго почтальона.

— Хорошо, сказалъ начальникъ пельменей и полевой атаманъ: все хорошо, что мы слышали; но дѣло не кончено: есть еще шестой. А ну, дядя, сказалъ онъ, обращаясь къ сторожу разстроеннаго перевоза, подсѣвшему тутъ же у огонька и слушавшему не безъ удовольствія господскія розсказни: — вотъ тебѣ чашка съ пельменями, а ты намъ разскажи что нибудь.

Сторожъ улыбнулся и зачесалъ затылокъ.

— Да что жь я вамъ разскажу? развѣ вотъ про пьянаго медвѣдя, да какъ черезъ него дѣдушка убился? Извольте!

И онъ началъ, кадниковскимъ гльворомъ:

Вотъ видишь, дѣло было лонись — аль нѣтъ, въ третьемъ годѣ — мы помногу–таки овса сѣемъ въ загородахъ, да полямъ, подъ большимъ–то лѣсомъ; къ дядѣ Ивану въ полосу и повадился гостенекъ покушивать овесецъ. Онъ и говоритъ, въ воскресенье, какъ всѣ дома были въ собраньи, на улицѣ, говоритъ: ребята! мою полосу всю овсен√къ–медвѣдь довелъ; убьемте его, не то и вашему овсу то жь будетъ. Да какъ его убьешь? на загородахъ елей нѣтъ, лабазовъ (полати, помостъ) сдѣлать негдѣ; а Максимъ десятникъ и надоумилъ: какіе–де тутъ на овсеника лабазы! великъ ли онъ и весь–то! а мы вотъ что, состроимъ–ко диковинку: нальемте вина въ ушатъ — для міра изъяна большаго не будетъ; поставимте ушатъ на полосу, онъ себя и угоститъ! Ладно; мы къ ночи и изготовили винцо–отъ и наладили ловушку. Поутру я вскочилъ еще до солнышка — гляжу, и другіе встали, дожидаютъ. Вотъ разсвѣло, мы и пошли всей деревней, и большіе и

челядь мелкая, кто съ топоромъ, кто съ чѣмъ, всѣ пошли на иванову полосу; а у десятника была съ собой и рогатина. Мы вишь тетерокъ сильемъ ловимъ, а ружей въ деревнѣ нашей нѣтъ ни у кого. Ну, стали подходить — всѣ и оробѣли: никто нейдетъ впередъ къ ушату на полосу, хоть что хошь дѣлай! Максимъ съ рогатиной зоветъ хозяина, дядю Ивана, а тотъ кричитъ: здѣсь, здѣсь, — а самъ ни съ мѣста. Я было пошелъ, да подумалъ: что бахвалить передъ другими, народу много, пусть идутъ. Тутъ негдѣ возьмись нашъ Лыско, собака: ощетинился, озлился да туда, черезъ огородъ–отъ, да и заурчалъ не своимъ голосомъ. Тутъ всѣ въ одинъ голосъ гайкнули да разомъ и вскочили, а медвѣдь, какъ баринъ какой, развалился въ овсѣ; да такъ–то похрапываетъ, что отъ гаму нашего всилу пробудился, да, пробудившись, только что головой потряхиваетъ, лапами подрягиваетъ, а онѣ его вишь и не слушаются: ни съ мѣста, лежитъ да и только! Вотъ штука то была, баринушко! обуха три дали ему въ лобъ, да и полно;

пожелали всѣ живаго домой привести; послали за ужищемъ (веревкой), опутали всего, а онъ хмѣльной да сонный, вотъ хоть побожиться тебѣ, еще самъ лапы подставляетъ; шумъ да гамъ такой, всѣ ребятишки, всѣ бабы сбѣжались — потащили волокомъ медвѣдя того, глядимъ — ай, что это, Господи, на дорогѣ мой дѣдушка лежитъ! глядь, анъ сердечный не живой! Вотъ тебѣ и медвѣдь; что–молъ такое это? — Жалко и дѣдушку, да и не малая надо всѣми стряслась бѣда: поволокутъ въ судъ всѣхъ, и Богъ знаетъ что будетъ. Онъ вишь, прости Господи душу его, на пустоши нашей сидѣлъ, жегъ валы (лѣсъ), да и задумалъ въ этакую рань пріѣхать домой; а дорьга съ пустошей мимо загородъ нашихъ лежитъ: онъ старикъ ѣхалъ верхомъ да еще льхлябь (безъ сѣдла), вотъ какъ мы на медвѣдя–то загамили всѣ въ голосъ, лошадь и шарахнулась въ сторону, а дѣдушка сердечный, какъ пить далъ, съ нея торчмя головой, да въ битую дорогу тememъ; тутъ тебѣ и духъ вонъ. Ну, какъ быть, —

поволокли въ деревню и его, и медвѣдя; дошли до деревни — дѣдушко–отъ сталъ вздыхать, отвелъ духъ, ожилъ; тутъ мы съ радостей давай медвѣдя въ лобъ колотить да шкуру съ него и сняли. Вотъ оно какъ было дѣло–то, баринъ, съ пьянымъ медвѣдемъ! а дѣдушка жилъ себѣ еще, все жилъ, покуда не померъ.

Между тѣмъ, стало уже не рано, и охотники наши, собираясь со свѣтомъ на промыселъ, поужинавъ, завернулись въ охобни свои разнаго покроя и повалились на полати спать. Когда же первый изъ нихъ на зарѣ потянулся и выглянулъ извнѣ плаща на бѣлый свѣтъ, то увидѣлъ, что паромъ уже стоялъ на своемъ мѣстѣ и переправа была устроена. Вскочивъ, разбудилъ онъ товарищей, и черезъ четверть часа берегъ этотъ опустѣлъ; черезъ часъ, выстрѣлы стали уже раздаваться на противоположномъ берегу, перекатываясь среди общей тишины по гладкой, какъ зеркало, рѣчкѣ.

В.ДАЛЬ